Я НЕ ПРОЩАЮСЬ

ХАН ГАН

ЛАУРЕАТ
НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2024 ГОДА

18+

Другие голоса

Хан Ган

Я не прощаюсь

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

Ган Х.

Я не прощаюсь / Х. Ган — «Издательство АСТ», 2021 — (Другие голоса)

ISBN 978-5-17-149131-4

Писательница Кёнха по просьбе подруги Инсон отправляется на остров Чеджудо, чтобы спасти птицу. Однако снежная буря заставляет Кёнха сомневаться, успеет ли она вовремя добраться и выживет ли в ужасном холоде, который окутывает её с каждым шагом. Кёнха еще не подозревает, с чем ей придется столкнуться в доме подруги. Дядя Инсон пропал без вести после массового убийства мирных жителей в 1948 году, а её мать путешествует по всей стране, отказываясь смириться с его исчезновением. Это роман о трёх женщинах, которые связаны невидимой нитью памяти и решительно отказываются разорвать связь с теми, кого больше нет. О смерти и жизни, стойкости и боли, но прежде всего о безусловной любви и осознании того, что ни любовь, ни скорбь не имеют конца.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-149131-4

© Ган Х., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая 6
Кристаллы 6
Нить 13
Снегопад 25
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Хан Ган
Я не прощаюсь

© 한강, Han Kang, 2021
© Джаудат Фаттахов, перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Часть первая
Попугай

Кристаллы

С неба моросью валил снег.

С равнины, где я стояла, виднелись невысокие горы, с хребта которых в мою сторону линейкой выстроились тысячи вколотых в землю чёрных брёвен. Своей разнообразной высотой они напоминали сборище людей разных возрастов, а толщиной были не больше шпалы. Но формой они от шпал отличались: кривоваты, несколько согнуты – словно перед тобой тысячи взрослых и детей с поникшими плечами упёрлись взглядами друг в друга.

«Это здесь кладбище?» – подумала я про себя.

«Может, эти брёвна заменяют надгробные камни?»

Я решила пройтись меж могильных холмов, спрятавшихся за чёрными брёвнами, на спиленные верхушки которых падали снежинки, напоминавшие кристалловидную соль. Но кое-что вынудило меня остановиться – под кроссовками начала хлюпать вода. «Странно», – подумала я, приметив, что вода была мне уже по пятки. Я оглянулась и не могла поверить своим глазам: на другом конце поля раскинулось море. Еще несколько мгновений назад на его месте мне виделся лишь обычный горизонт. Значит, прилив?

– Но зачем тогда они копали здесь могилы? – вопрос невольно вырвался вслух.

Тем временем вода поднималась выше. Неужели это происходило каждый день? Так ведь от этих могил, кроме холмов, тогда ничего и не осталось, скорее всего, – все кости, должно быть, смыло в море!

Думать времени не было. Останки, что уже ушли под воду, не спасти, нужно переместить те, что были повыше. Прямо сейчас, пока вода ещё не добралась до них. Но как? У меня ведь даже лопаты нет… К тому же их слишком много. «К чёрту». Я ринулась вверх, мимо брёвен, преодолевая воду, которая была мне уже по колено.

Когда я открыла глаза, солнце ещё не взошло. Выглянув в окно из своей тёмной комнаты, я не увидела ни снежного поля, ни чёрных брёвен, ни моря – я снова закрыла глаза. Осознав, что мне опять приснился сон о том городе, я прикрыла глаза холодными ладонями и продолжала лежать.

* * *

Этот сон приснился мне летом 2014 года, спустя два месяца после того, как я опубликовала книгу об убийстве в том городе. За все четыре года, пока мне снился этот сон, я ни разу не сомневалась в его смысле. И только прошлым летом я впервые задумалась о том, что, возможно, он повествовал не только о том городе: моя интерпретация была слишком спешной, прямой и простой.

Двадцатый день подряд стояла невыносимая жара. Я, не изменяя традициям, пыталась уснуть в гостиной под сломанным кондиционером. Бесконечные попытки принять холодный душ не помогали – даже лёжа на полу моё тело отказывалось остывать. Где-то в пятом часу утра я почувствовала, что температура немного спала – спасение, не иначе, ведь до восхода солнца оставалось чуть менее получаса. Показалось, что я наконец смогу немного поспать. Я даже почувствовала, что уже засыпаю. Но в эту тонкую брешь между сном и бодрствованием под веки мне снова пробрался знакомый равнинный пейзаж. Густо валивший и накрывающий

тысячи чёрных брёвен снег, напоминавший соль, белые горочки на срезанных верхушках – всё казалось реальностью.

У меня начался мандраж. Почему? Не знаю. Ощущение было, что я сейчас разрыдаюсь, но слёзы так и не выступили на глазах. Это был… страх? Или тревога? Или просто боль? Нет, это было похоже на пробуждение в холодном поту. Словно невидимый нож гигантской величины – такой, что поднять человеку не под силу – зависал в воздухе, нацелившись лезвием на меня. А я будто бы просто лёжа пялилась на него.

Только тогда я задумалась о том, что, возможно, то нахлынувшее на погребённые под могильными холмами кости море не имело связи с убийством тех людей и последствиями. Возможно, это было каким-то предсказанием? Может, эти чёрные брёвна и тонущие в воде могилы предвещали моё будущее?

Будущее, которое наступило?

* * *

Между ночью, когда мне впервые приснился тот сон, и тем разом, когда я осознала его смысл, был разрыв в четыре года – за это время некоторые люди перестали быть частью моей жизни. Конечно, с кем-то из них я рассталась по своей воле, но с кем-то… Я бы отдала всё что угодно, лишь бы вернуть их назад. В некоторых древних религиях говорится об огромном зеркале, которое бдит за каждым движением каждого человека и запечатлевает его жизнь. Если бы когда-нибудь я столкнулась с таким за те четыре года, в отражении я бы увидела какую-нибудь улитку без раковины, ползущую по лезвию ножа. Эта улитка хотела жить, но в её тело глубоко проникало лезвие ножа. Она то обнимала, то вырывала, то подвисала, то стояла на коленях, молила, и из неё вечно что-то сочилось – то ли гной, то ли кровь, то ли слёзы.

* * *

Кульминация наступила, когда поздней весной я переехала в квартиру многоэтажного дома коридорного типа[1] на окраине Сеула. Я не могла поверить, что мне больше не нужно ни работать, ни присматривать за семьёй, ведь долгое время две этих вещи занимали всю мою жизнь. Естественно, на письмо у меня не хватало времени, поэтому я втайне мечтала дожить до тех пор, когда я стану свободной. Однако заполучив свободу, я обнаружила, что пламя моих амбиций уже погасло.

После того как я забрала к себе домой свои вещи из центра по переезду, я в основном просто лежала на кровати, почти не спала, ничего не готовила, порог входной двери не переступала. Так продолжалось до июля. Я питалась одной водой, солёной капустой и рисом, пользуясь доставкой. А если пищевод схватывал спазм, сопровождавшийся мигренью, после еды меня рвало. В одну из ночей я написала завещание. «Хочу попросить вас о паре вещей», – так оно начиналось. Далее я вкратце описала, где именно среди книжных полок можно было найти мою банковскую книжку, страховку и договор об аренде; куда бы я хотела потратить свои последние деньги и кому бы я хотела их оставить. Однако завещание было некому адресовать, потому что я не была уверена, кого можно было бы побеспокоить по этому поводу. Хоть я и добавила пару предложений о том, что буду очень благодарна тому, кто этим займется, и пояснила, чем могу за эту услугу отплатить, но в конце концов написать имени получателя я не смогла.

[1] Распространённый в Южной Корее в двадцатом веке тип многоэтажных домов, где весь этаж проходит вдоль наружного коридора, выходящего на улицу, все квартиры выходят к нему.

Я не могла ни уснуть, ни встать с кровати, но чувство ответственности за того самого неизвестного получателя вынудило меня подняться. Я начала обдумывать, что именно нужно будет поручить этому человеку, и пыталась вспомнить людей, которым можно это доверить, параллельно прибираясь дома. Нужно было выбросить с кухни скопившиеся пластиковые бутылки из-под воды, убрать разбросанную одежду и одеяла, которые уже мозолили глаза, и все блокноты с дневниками. Впервые за два месяца я собрала два пакета мусора, надела кроссовки и распахнула дверь из квартиры. Полуденное солнце непривычно ярко освещало коридор, он показался незнакомым. Спустившись на лифте, я прошла мимо консьержа, пересекла двор. Меня накрыло чувство, словно я упускаю что-то важное: передо мной распахнулся мир живых людей – погода, влага в воздухе, притяжение Земли.

Вернувшись домой, я вместо того чтобы собрать скопившийся в гостиной мусор, пошла в ванную. Я не стала снимать одежду, включила горячий душ и села под него. Я вспомнила, каково это – чувствовать: своими съёжившимися стопами я осязала плитку, вдыхала удушающий пар, ощущала прилипшую к спине хлопковую футболку, накрывшие глаза волосы и воду, льющуюся с подбородка на живот и грудь.

Выйдя из ванной и сняв промокшую одежду, в куче барахла я постаралась найти что-то сносное для выхода на улицу, положила в карман две скомканные десятитысячные купюры и вышла в коридор. Я решила пройтись пешком до забегаловки, где подавали чук[2]. Располагалась она рядом с ближайшей станцией электрички. Там я заказала самый мягкий на вид чатчук[3]. Было до жути горячо, я ела неспеша, приглядываясь к проходящим за стеклянной дверью людям – они казались столь хрупкими, словно вот-вот разобьются вдребезги. Это было чёткое ощущение мимолётности жизни. Как же легко и просто она может оборваться – все наши кости, органы, плоть ужасно уязвимы – стоит лишь сделать один шаг.

Смерть.

Она пронеслась мимо меня, как астероид – все думали, что он врежется в Землю, но учёные ошиблись подсчётами на пару градусов, и он непоколебимо продолжил свой полёт со скоростью света.

* * *

Гармонии с жизнью я не обрела, но нужно было двигаться дальше.

Я поняла, что за свои почти два месяца отшельничества я практически довела себя до истощения, многие мои мышцы атрофировались. Для того чтобы избавиться от спазмов, мигрени и болеутоляющих с высоким содержанием кофеина, мне нужно было регулярно питаться и двигаться. Но именно тогда началась знойная жара. Когда температура на улице впервые превысила температуру тела, я попробовала включить кондиционер, оставшийся в квартире от прошлого жильца, но безуспешно. На помощь кряхтящему кондиционеру в службе ремонта пообещали прийти лишь в конце месяца из-за навалившегося потока обращений, вызванного аномальной жарой. Покупка нового кондиционера откладывалась по тем же причинам.

В итоге я посчитала разумным избегать жары в каком-нибудь месте с кондиционером, но мне не хотелось отсиживаться в людных местах вроде кафе, банков или библиотек. В принципе, я могла лечь спиной на пол – это самое прохладное место в доме – почаще принимать душ, чтобы не получить солнечный удар и закупорить поры, а под вечер, когда температура хоть немного спадает, часов так в восемь, выходить поесть чук. В забегаловке был кондиционер, сидеть там было очень приятно. А за стеклянным окном, что словно в зимнее время запотевало от разницы во влажности и температуре, люди целыми волнами стремились домой,

[2] Корейская каша, обычно из риса.

[3] Жидкая каша, сваренная из размоченного в воде риса с добавлением молотого кедрового ореха.

держа ручные вентиляторы у груди. Скоро и мне пора уже домой, шагать по вечно душным улицам тропических ночей.

В один из таких дней, возвращаясь из той забегаловки, я остановилась у перехода через дорогу, ожидая зелёный свет. В лицо мне дул горячий от раскалённого асфальта ветер. Тогда я и подумала, что мне следовало бы дописать то письмо, на конверте которого я маркером написала «Завещание» и с получателем которого я так и не определилась. Точнее, не дописать, а переписать заново – с чистого листа.

* * *

Это письмо завернуло меня в спираль размышлений:

Когда всё начало рушиться?

Где я ступила не туда?

Что стало переломным моментом?

Каждому по опыту известно: когда люди уходят, они достают самый острый нож, что у них есть, и пронзают самые уязвимые части, о которых они знают.

Я не хочу жить как человек, одной ногой шагающий в пропасть. Я не хочу жить как ты.

Поэтому я решила тебя бросить.

Я хочу жить полной жизнью.

* * *

Зимой 2012 года, когда я читала материалы для написания книги, мне начали сниться кошмары. Изначально они были полны насилия. Я убегаю в них от отряда военных воздушно-десантных войск, падаю после того, как меня по плечу ударяют дубиной. Лежащую меня избивают ногами, один из преследователей переворачивает меня, чтобы увидеть лицо – но я уже не помню, как он выглядел, запомнилась лишь только дрожь, накрывшая меня после того, как он со всей силы ударил меня ружьём в грудь.

Я не хотела, чтобы это как-то сказалось на моей семье – особенно на дочке – поэтому работала в мастерской в пятнадцати минутах ходьбы от дома. Письмо за стены мастерской я не выносила, так что за этими пределами лежала моя беспечная повседневная жизнь. Это была маленькая комнатушка на втором этаже кирпичного дома, построенного в восьмидесятые, – за тридцать лет его ни разу не ремонтировали. Исцарапанную металлическую дверь я покрасила белой акварелью, потрескавшиеся от старости оконные рамы я покрыла шарфами, закрепив их кнопками. В дни, когда у меня не было лекций, я сидела там с девяти утра до пяти вечера, в остальные – с девяти до двенадцати, и разбирала материалы, вела записи.

По утрам и вечерам, как обычно, я готовила завтраки и ужины и ела с семьёй. Со своей дочкой, которая только начала посещать среднюю школу и со многим в жизни сталкивалась впервые, я пыталась говорить как можно чаще. Однако книга тенью пробиралась ко мне в мысли в любую свободную секунду, словно моё тело раздробилось – даже когда я ставила кипятить воду в кастрюле или когда я ждала, пока тофу покроется золотистым цветом с обеих сторон, жаря его на сковороде.

Дорога в мастерскую шла вдоль речки, но пройдя через тесно растущие деревья по склону вниз, можно было выйти на другую, более широкую, дорогу. Двигаясь по ней дальше примерно триста метров, можно было дойти до моста, под которым разложилась пустая площадка, где люди иногда катались на роликах. Мне, с моим беззащитным телом, эта дорога всегда казалась далёкой. Меня не покидала мысль, что на крышах зданий с противоположной стороны дороги снайперы целились в прохожих. Конечно же я понимала, что о таком даже думать было довольно абсурдно.

Весной 2013 года мне всё труднее становилось спать и дышать – в один день дочь даже как-то сказала мне, что я как-то не так дышу. Одной ночью я проснулась от испуга в первом часу и, оставив свои тщетные попытки снова уснуть, отправилась за водой в магазин. У дороги я бессмысленно ждала зелёного света – не было ни людей, ни машин – и смотрела на ярко освещённый круглосуточный магазин по ту сторону дороги. Очнувшись от наваждения, я заметила, что вдоль пешеходной дороги на противоположной стороне в мёртвой тишине ровным рядом шли около сорока мужчин. С длинными волосами, в форме резервных войск и с винтовками за плечами, они лениво и медленно двигались вперёд, словно уставшие дети после пикника.

Когда человек, давно уже позабывший о здоровом сне и не разбирающий разницы между сном и реальностью, сталкивается с такой нелепой ситуацией – он, естественно, будет отрицать происходящее. «Это действительно сейчас происходит? Это часть сна? Могу ли я доверять своим ощущениям?»

Застыв на месте, я наблюдала за тем, как они безмолвно, словно кто-то включил беззвучный режим, скрылись, завернув за тёмным перекрёстком. Это был не сон, мне совсем не хотелось спать, я даже не пила ничего алкогольного. Но я все равно не могла поверить в увиденное. Я подумала, что, возможно, эти мужчины шли с тренировочной базы резервных войск с Нэгоктона[4] за горой Умён. Но тогда, получается, они прошли гору в кромешной тьме и до часу ночи маршировали целых одиннадцать километров?.. Я не могла точно сказать, занимаются ли таким резервные войска, так что утром на следующий день я хотела поинтересоваться об этом у кого-нибудь, кто служил в армии. Но не стала: это прозвучала бы тогда очень странно – да и сама я себя ощущала странно тоже – так до сих пор я никому ничего об этом и не рассказала.

* * *

За руки с незнакомыми женщинами и их детьми мы спустились по стенам на дно колодца. Мы подумали, что там будет безопасно, но внезапно на нас сверху повалил град пуль. Женщины, прижав к себе детей, прикрыли их своими телами. Дно изначально казавшегося иссохшим колодца начало постепенно заполняться травяным соком, словно кто-то плавил резину, чтобы заглушить наши крики и скрыть нашу кровь.

* * *

С людьми, чьих лиц я не помню, мы шли по заброшенной дороге. Когда мы увидели припаркованную на обочине легковушку, кто-то сказал: «Он там, внутри». Всем без имени было понятно, о ком идёт речь – о том, кто весной того года приказал убивать. Пока мы остановились, чтобы понаблюдать, машина завелась и въехала в огромное каменное здание поблизости. Кто-то из нас сказал: «Пойдёмте за ним». И все пошли за ним вслед. Сначала нас было несколько, но, когда мы вошли в это пустое здание, нас осталось лишь двое, включая меня. Со мной рядом тихо стоял человек, имени которого я не помню. Я чувствовала, что это был мужчина и что он следовал за мной – за неимением иного выбора. «Разве мы вдвоём что-то можем?» Из комнаты в конце тёмного коридора пробивался наружу свет пламени. Когда мы вошли, убийца был повёрнут к стене и держал в руке зачинщика пожара – спичку. В этот момент я резко осознала, что и в моей, и в руке моего спутника тоже были спички. Никто ничего не говорил, но было ясно, что есть единственное правило – продержать спичку, пока она не догорит до конца. Спичка убийцы почти полностью сгорела, и пламя уже касалось его боль-

[4] Название квартала в Сеуле.

шого пальца. Нашим спичкам тоже оставалось недолго, они стремительно тлели. «Убийца», – я подумала, что нужно это сказать.

– Убийца.

Но почему-то мой голос не был слышен.

– Убийца.

Нужно сказать ещё громче.

– Как ты искупишь вину? После убийства стольких людей? – вырвалось из меня, когда я сумела набраться сил.

Может, убить его? Возможно, это наш последний шанс. Но как? Как мы можем его убить? Нужно осмотреться. Тоненькая спичка моего спутника с размытым лицом и голосом медленно тлела оранжевыми оттенками. В свете пламени я наконец поняла, что спичку в руке держал всего лишь какой-то мальчик-переросток.

* * *

В следующем году я закончила книгу и в январе пошла в издательство. Я хотела, чтобы они купили её как можно скорее. Хоть и глупо, но я верила, что после её продажи меня перестанут преследовать кошмары. Редактор посоветовал мне назначить начало продаж на май, чтобы маркетинг был эффективнее.

– Разве не лучше немного подождать, чтобы книгу прочитало больше людей?

Это меня убедило. В ожидании срока я успела написать ещё одну страницу, а отдала редактору книгу лишь в апреле после его многочисленных настойчивых просьб. Книга поступила в продажу почти в самой середине мая. Кошмары на этом, естественно, не закончились. Сейчас, вспоминая себя, я не очень понимаю, о чём я думала. Решила написать книгу об убийствах и пытках, думая, что это меня как-то освободит от мучений, что это смоет все их следы – как я могла быть так наивна и глупа?

* * *

Ещё была ночь, когда мне впервые приснился сон с чёрными брёвнами и я проснулась, накрыв глаза своими холодными ладонями.

Иногда мне снились сны, казавшиеся реальностью – далёкой реальностью, которая продолжала своё существование даже после того, как я проснусь – тот сон был одним из таких. Я поела, заварила чай, села в автобус, прогулялась с сыном за руку, собрала сумку в путешествие, поднималась по бесконечным лестницам станции метро – а где-то там в поле шёл снег, кристалликами падавший на срезанные верхушки чёрных брёвен. Я удивляюсь воде у моих ног, оглядываюсь и вижу нахлынувшее море.

Осенью того года я не могла перестать думать об этой вечно всплывающей картине в моей голове. Разве нельзя было посадить деревья в более подходящем месте? Посадить тысячи деревьев, может, трудно, но можно начать с девяносто девяти – числа, начинающего бесконечность – и найти людей, готовых за ними присматривать, с душой, словно окутывая их аккуратно сотканной одеждой глубокой ночью, дабы не встревожить их вечный сон. И вот тогда, когда всё закончится, вместо моря можно будет ждать белый, словно хлопок, снег, который посыпется с неба и накроет деревья своим кровом.

Я даже предложила одной своей подруге, которая раньше занималась съёмкой документальных фильмов, снять короткометражку об этом. Она радостно согласилась, и мы пообещали друг другу заняться этим, но всё никак не можем найти подходящее для нас обеих время. Уже четыре года.

* * *

И та знойная ночь, когда меня сломила жара асфальта и я, пешком вернувшись в пустой дом, принимала холодный душ. Каждую ночь из-за кондиционеров с соседних квартир, которые выплёскивали горячий воздух на улицу, мне приходилось закрывать все окна и двери. Гостиная напоминала закрытую сауну, и пока оставшаяся с душа прохладная влага была ещё на моём теле, я села за стол. С него я подобрала завещание, которое так и не нашло своего получателя, и разорвала его на части.

Пиши с самого начала.

Это заклинание всегда работает.

Я начинаю писать заново. Не проходит даже пяти минут, как с меня начинает водопадом литься пот. Я снова принимаю холодный душ и возвращаюсь к столу. Только что неумело написанное новое завещание я снова рву на кусочки.

Пиши с самого начала.

Нормальное прощальное письмо.

Летом прошлого года, когда моя личная жизнь начала разваливаться, словно упавший в кружку горячего чая кубик сахара, я написала роман «Прощай», ставший предвестником предстоящих мне расставаний. Это был рассказ о женщине, которая таяла, словно снег, превращающийся в слякоть. Но я не могла на этом остановиться.

Каждый раз, когда глаза начинало жечь из-за стекающего со лба пота, я шла в душ. После я садилась обратно за стол и рвала только что написанное. Оставив попытки дописать завещание, я, вся липкая, ложилась на пол гостиной, пока на улице брезжил рассвет. Температура немного спадала – будто это была милость божья. И в миг, когда я почти смыкала глаза и засыпала, на том поле снова начинал идти снег – снег, который безостановочно шёл уже несколько десятилетий, или даже столетий.

* * *

Они пока в безопасности.

Они пока в безопасности, – подумала я, распахнув глаза и дрожа в страхе, будто прямо передо мной в воздухе повис громадный нож. Я так и не смогла сбежать с того поля.

Деревья, рассаженные в верхней части – с крутого склона горы до самой её верхушки – были в безопасности: дотуда прилив не дойдёт. И за могилы рядом с ними тоже можно не беспокоиться, морем их не накроет. Кости тысячи погребённых людей были в сухости и сохранности, море до них не доберётся. Не гниющие чёрные деревья, у которых не взмокло даже основание, стояли там, упёршись друг в друга взглядом под валившим десятилетиями или даже столетиями снегом.

Тогда я поняла.

Нужно оставить позади те кости, которые уже смыло морем. И пробиться сквозь воду по колено к склону горы, пока ещё не поздно. Не ждать подарка от судьбы, не надеяться на помощь других, решительно до самого конца горного хребта. Взобраться на самую высокую точку, пока не будут видны падающие на верхушки посаженных там деревьев кристалловидные снежинки.

У меня нет времени.

Другого пути у меня тоже нет.

Нужно идти.

Идти, чтобы…

…жить.

Нить

А я все ещё не могу спокойно спать.

И не могу нормально есть.

И мне трудно дышать.

Люди бросили меня из-за этого образа жизни, но я продолжаю так жить.

Прошло лето, когда мир без конца не давал мне покоя. Жара миновала, и можно не валиться на пол бессильной, можно не принимать постоянно холодный душ, чтобы избежать солнечного удара.

Между мной и миром зарождается прохладная грань. Я достала рубашку с длинными рукавами и джинсы, воздух на улице больше не напоминает горячий пар, и я шагаю по обочине дороги в свою забегаловку. Я всё ещё не готовлю, а ем лишь один раз в день. Просто я не в силах вспоминать то время, когда я готовила для всех и мы ели все вместе. Но постепенно рутина возвращается. Я так же не встречаюсь с людьми и не беру трубку, когда звонят, но зато начала проверять электронную почту и сообщения. На рассвете я сажусь за стол и пишу. Каждый раз с самого начала – прощальное письмо.

Ночи становятся длиннее, а дни – холоднее. В начале ноября, впервые после переезда, я вышла прогуляться за домом по аллее, усаженной деревьями ярких красно-оранжевых осенних оттенков, сияющих на свету. Прелестное зрелище, но у меня, кажется, часть мозга, отвечающая за чувство прекрасного, либо умерла, либо «висит на последнем волоске».

Одним утром землю слегка покрыл первый иней, захрустевший под моими кроссовками. Листья размером с детские лица уносило сильным ветром. Внезапно оказавшиеся голыми стволы чинар[5] стали облезать. Из-за этого когда-то и появилось их корейское название – «поджим»[6].

* * *

Утром где-то в конце декабря, когда я получила сообщение от Инсон[7], я гуляла по той аллее. Уже почти месяц стояла минусовая погода, так что все лиственные деревья окончательно облетели.

«Эй, Кёнха».

В окошке сообщения мелко отображалось моё имя.

Я впервые встретилась с Инсон, когда окончила университет. В издательстве журнала, куда я устроилась, мы обычно сами делали фотографии – без помощи профессиональных фотографов, но когда дело касалось важных интервью или статей о путешествиях, мы обращались к фрилансерам и работали в парах. Тогда нужно было отправиться в поездку на три дня и коллеги мне посоветовали взять с собой девушку, чтобы было комфортнее, так что я посоветовалась с другими фотографами, которые и познакомили меня с ней. В течение трёх лет мы с Инсон ежемесячно ездили в командировки и продолжили общаться даже после ухода с работы – почти 20 лет уже – так что я довольно хорошо её знаю. Поэтому я сразу поняла, что раз она обращается ко мне по имени, значит, у неё есть какое-то срочное дело.

«Привет. Что такое?» – ответила я ей, сняв свои шерстяные перчатки.

---

[5] Дерево семейства платановых.

[6] В переводе с корейского это слово означает «дерматомикоз» – инфекция, поражающая кожу. Чинары так прозвали в силу того, что после того, как они облезают корой, своим видом они напоминают эту инфекционную болезнь, будто бы покрываясь патогенными грибами.

[7] Женское имя.

И я уже собиралась было надеть их обратно, пока ждала её ответа, как она тут же написала:

«Ты можешь сейчас приехать?»

Инсон жила не в Сеуле. У неё не было ни братьев, ни сестёр, а мать родила её где-то в сорок лет, так что ей пришлось рано пережить её смерть. Восемь лет назад она вернулась в деревушку в горной местности на Чеджудо[8] присматривать за матерью, а через четыре года потеряла её. Однако Инсон осталась жить в том доме. Раньше мы с ней часто приходили друг к другу в гости, вместе готовили еду, разговаривали о разном. Но как только мы оказались на разных концах страны, мы стали намного реже видеться. А потом как-то и вовсе два года не встречались. В последний раз я её навещала прошлой осенью. У неё был обычный каменный дом, покрытый досками, и единственное, что она изменила, это обустроила туалет внутри дома. Я остановилась у неё на четыре дня, она познакомила меня с её попугайчиками, которых она завела за два года до этого, после похорон. Один из них уже мог проговаривать простые слова. Большую часть времени мы проводили во дворе, на другом конце которого расположилась мастерская. Она срубила целое дерево и сделала из него стулья без каких-либо верёвок или связок, что помогло ей заработать. Достав прошлогодние замороженные тутовник и клубнику, она заварила кислый пресный чай в своей деревянной печи и попросила меня попробовать посидеть на стульях. Чай мне по душе не пришёлся, а пока я его пила, Инсон, словно мастер из какой-то документалки, успела переодеться в джинсы и рабочую форму, собрала волосы, заложила карандаш за ухо и начала измерять доски, прочерчивая линии отреза.

Вряд ли она зовёт меня в тот дом. «Куда?» – хотела я спросить, как только она прислала мне адрес какой-то больницы. Потом она снова переспросила:

«Сможешь сейчас приехать?»

Вслед пришло ещё одно сообщение:

«Нужно прийти с удостоверением личности».

Нужно ли мне зайти домой? На мне огромный пуховик, но вроде чистый. В кармане у меня карточка, с которой, если что, сниму деньги, и регистрационная карточка[9]. Я прошла пол-остановки в сторону вокзала, где останавливались таксисты, когда мимо проезжало пустое такси, и я вытянула руку.

* * *

Первое, что мне бросилось в глаза, это тёмные буквы на плакате, покрытом пылью – «Лучшая в стране!». Я заплатила за такси и направилась ко входу в больницу. Странно, раз это лучшая хирургическая больница, почему я никогда о ней не слышала? Вращающиеся двери вели в старый вестибюль с мрачным освещением, где стены были обставлены фотографиями отрезанных пальцев ног и рук. Я попыталась преодолеть своё отвращение и решила вглядеться в фото. Может, они просто показались страшными? Но нет, совсем наоборот – чем больше я на них смотрела, тем противнее себя ощущала. Отводя взгляд от них вправо, я наткнулась на другие фотографии – с теми же пальцами, но уже пришитыми обратно к конечностям. Между ними был сильный контраст в цвете кожи – явно из-за операций.

Значит, у Инсон произошло что-то похожее в мастерской? И поэтому она в этой больнице?

Есть определённый вид людей, которые сами вершат свою судьбу. Они уверенно принимают выборы, на которые не способны другие, и делают всё возможное, чтобы справиться с последствиями этих выборов. Таких людей трудно чем-то удивить. Инсон в университете

[8] Остров на юге Южной Кореи, славится как одно из самых популярных туристических направлений.

[9] Тип удостоверения личности – маленькая карточка, как визитка, с данными о месте регистрации по проживанию.

училась искусству фотографии и где-то в двадцать пять начала заниматься документальными фильмами. Доход не особо позволял оплачивать счета, тем не менее она упорна посвящала себя этому делу почти десять лет. Ей, конечно, иногда попадалась работа с хорошей оплатой, но всю выручку с неё она сразу же тратила на фильмы, поэтому всегда жила в бедности – много экономила, мало ела. Всегда носила с собой скромный домашний обед в контейнере, косметикой не пользовалась, сама стригла себе волосы. К единственной куртке и пальто из одного комплекта она пришила кардиганы, чтобы было потеплее. Самое интересное, что такие замашки всегда почему-то выглядели естественно и даже круто.

Первым короткометражным фильмом Инсон, который получил хорошие отзывы, был тот, в котором она ходила по вьетнамским деревням и брала интервью у жертв сексуального насилия со стороны корейских солдат[10]. Снимали его два года. С густыми джунглями вокруг и палящим солнцем при просмотре казалось, что главная героиня фильма – это сама природа, атмосфера была уникальная. За этот фильм частный культурный фонд наградил Инсон средствами на съёмку следующего фильма. Со сравнительно крупным бюджетом в следующей работе Инсон рассказала историю страдающей от маразма бабушки, которая участвовала в деятельности армии, сражавшейся за государственную независимость[11] в Маньчжурии в 1940-х годах. Действие разворачивается зимой на фоне тишины просторных маньчжурских полей – бабушке помогает передвигаться её дочь, даже внутри своего дома она не обходится без трости, а её глаза – пусты, изо рта – ни слова – воплощение окружающей природы. В качестве следующего фильма все снова ожидали ленту, повествующую об исторических событиях, но Инсон всех удивила – она решила взять интервью у себя. Камера запечатлела лишь её размытый силуэт – колени, руки и тень. Инсон говорила так медленно, что было действительно трудно узнать её голос. Интервью периодически прерывалось чёрно-белыми кадрами с Чеджудо 1948 года, между ответами Инсон иногда застывала мёртвая тишина, а на затемнённых белых стенах порой вспыхивали блики – такой способ повествования Инсон сохранила и в последующих фильмах: зритель ждёт каких-то ярких эмоций, однако автор поражает его замешательством и разочарованием. Инсон планировала склеить полнометражную ленту из трёх снятых короткометражных фильмов – «Триптих», но по какой-то причине забросила это дело и поступила на учёбу в государственную школу плотницкого дела.

С тех пор Инсон любила периодически ходить в свою мастерскую рядом с домом. По выходным она могла запереться в ней на несколько дней, нарезая и перевязывая доски, из которых потом получалась домашняя мебель. Трудно было поверить в то, что она так просто бросила кино ради плотницкого дела, и в то, что она переехала приглядывать за матерью на Чеджудо, так и не закончив школу. Мне казалось, что Инсон съездит к матери ненадолго и вернётся обратно снимать кино, однако, вопреки моим ожиданиям, как только она приехала на Чеджудо, она соорудила целый амбар для мандаринов. Примерно в то же время состояние её матери ухудшилось до такой степени, что Инсон приходилось всегда находиться рядом с её кроватью. Туда, во внутреннюю часть дома в коридор, Инсон принесла маленький рабочий стол, на котором она ручным рубанком и стамеской изготавливала ложки, подносы, разделочные доски, поварёшки и другие мелкие изделия, смазывая их маслом. В свою, уже запылённую, мастерскую она вернулась только после того, как её мать покинула этот мир.

Инсон была худой, но со своим ростом в метр семьдесят она с лёгкостью таскала оборудование на съёмочной площадке. Так что хоть я и удивилась тому, что она стала плотником, угрозы, как мне казалось, для неё это не составляло. Беспокоило меня лишь то, что она очень часто ранилась. Как-то раз, спустя некоторое время после смерти её матери, джинсы Инсон

[10] Речь идёт о войне во Вьетнаме в 60-х и 70-х годах, на стороне США воевало около трёхсот тысяч южнокорейских солдат, которые стали известны очень жестоким обращением с мирным населением.

[11] До окончания Второй мировой войны Корея была оккупирована Японской империей, а во время войны на территории Маньчжурии корейцы вели партизанскую войну против японских оккупантов.

застряли во включенной дробилке, и у неё остался огромный шрам от колена до бедра, сантиметров на тридцать. Со смехом она тогда рассказывала: «Представь, эта дробилка всё никак не отпускала мои джинсы, сколько я ни тянула! Ревела как какой-то зверь!» А года два назад, когда она перетаскивала бревно, оно упало ей на указательный палец, пока она пыталась его схватить руками. После она лечила порванные связки и перелом больше полугода.

Но в этот раз, судя по всему, случай посерьёзнее, видно что-то она себе отрезала.

Мне нужно было спросить в регистратуре номер палаты Инсон, но передо мной стояли озлобленные родители с ребёнком четырёх-пяти лет с забинтованной рукой, который плакал и прижимался к ним. Я решила повременить и посередине вестибюля полусидя выглядывала на улицу через вращающуюся дверь. Ещё даже не было двенадцати, но улицу словно уже покрыли сумерки. Под мрачным небом, вот-вот готовым разрыдаться снегом, бетонные здания через дорогу скрючились от холода и влаги.

Надо где-то снять деньги. Я направилась к банкомату на другом конце вестибюля. А зачем, интересно, Инсон попросила меня взять удостоверение? Вдруг ей провели какую-то сложную операцию и нужно оплатить счета? У неё ведь ни родителей, ни братьев, ни сестёр, никого.

* * *

Инсон.

Меня позвали внутрь палаты, там было шесть коек, она лежала на самой дальней. Когда я вошла, она нервно вглядывалась в входную дверь позади меня. Она ждала не меня. Может, ей нужен врач? Но не успела я об этом подумать, как она словно воспряла духом, заметив меня. Её сами по себе большие глаза распахнулись ещё шире и заблестели – и так же резко сузились в форме полумесяца, покрывшись мелкими морщинами.

– Ты пришла, – сказала Инсон.

– Что случилось? – спросила я, встав подле изголовья койки.

Из-под её широкой больничной рубашки остро выпирали тощие ключицы. Лицо её за год сильно исхудало, хотя, может, так казалось из-за отёков.

– Электропилой промахнулась, – выдавила шёпотом из себя Инсон, словно ей отрезало не пальцы, а шею.

– Когда?

– Позавчера утром.

– Хочешь посмотреть? – спросила она, вытянув свою руку.

Я ошиблась, подумав, что у неё вся ладонь была обёрнута бинтом. Верхние фаланги указательного и среднего пальцев торчали из-под повязки. Судя по свежим следам операции – перемежавшихся бордовых и розоватых оттенков крови – они совсем недавно ещё кровоточили.

Мои глаза невольно дёрнулись.

– Ты, наверное, впервые такое видишь, да?

Не сумев сыскать подходящие слова, я перевела на неё свой пустой взгляд.

– Для меня это тоже впервой.

Лицо Инсон украшала вялая, бесцветная улыбка. Скорее всего, из-за большой потери крови. И шептала она, вероятно, из-за боли от вибраций голоса.

– Мне сначала показалось, что это просто глубокий порез.

Я наклонилась к ней поближе, чтобы лучше слышать. Моих ноздрей слегка коснулся запах крови.

– Но потом боль стала только сильнее. Я еле сняла с рук разорванные перчатки, а две мои фаланги остались внутри.

Я вглядывалась в движения её губ, чтобы лучше понимать, что она говорит. Они были настолько бледными, что отдавали фиолетовым оттенком.

– И вот тогда из моих пальцев полилась кровь. Я сразу же подумала, что мне нужно остановить кровотечение, но что было дальше – не помню.

На лице Инсон было написано чувство вины.

– Я ведь знала, что с электронным оборудованием перчатки нельзя надевать, как бы холодно ни было. Я сама виновата.

Инсон обернулась на скрип открывающейся двери. По её лицу, резко расплывшемуся от облегчения, я сразу поняла, что это был тот человек, которого она ждала. Женщина лет шестидесяти с короткими волосами и коричневым фартуком направилась в нашу сторону.

– Это моя подруга, – представила меня Инсон, не повышая голоса.

– Эта медсестра присматривает за мной. У них две смены, она работает днём.

Медсестра коротко и тихо рассмеялась и поздоровалась со мной. Тщательно обработав руки антисептиком с запахом алкоголя из помпового дозатора, она взяла с прикроватного столика алюминиевую коробку и положила на колени.

– Мне, на самом деле, очень повезло, сын одной бабушки с нашего района, с которой мы близко общались, подвёз меня до больницы. Ему нужно было туда по делам, – сказала Инсон и остановилась, пока медсестра открывала коробку. Оттуда она достала две разные иглы, медицинский спирт, пластиковую баночку, прикрытую стерилизованной ваткой, и пинцет.

– Вообще, он занимается крупногабаритной доставкой, а бабушка его хотела по пути заехать ко мне и дать коробку мандаринов. Они заметили, что свет в мастерской горел, поэтому посчитали странным, что никто не выходит, и решили зайти проверить – а там лежала я без сознания. Было очень много крови, так что сначала они остановили кровотечение, а потом загрузили меня назад в грузовой отсек и спешно довезли до больницы Чеджу. Мои перчатки с фалангами бабушка взяла с собой. На Чеджудо не оказалось врачей-хирургов, занимающихся такого рода операциями, поэтому мы взяли первый же рейс в…

Инсон снова приостановилась – медсестра обработала иголку спиртом, поднесла к её указательному пальцу Инсон и без промедления воткнула. Губы и руки Инсон параллельно дёрнулись. Взяв вторую иголку и протерев её ваткой со спиртом, она так же проколола её средний палец, оставив на нём ранку. Медсестра снова дезинфицировала обе иголки и положила их обратно в коробку, тогда губы Инсон снова разъединились:

– Говорят, операция прошла без проблем.

Она продолжала говорить шёпотом, но между слогами проскальзывал её голос, словно ей стало труднее терпеть боль.

– Теперь самое главное, чтобы кровь не застаивалась.

Я чувствовала, как Инсон выдавливает из себя шёпот, поэтому голос ведущей новостей, доносящийся из подвешенного над входом телевизора, начинал действовать на нервы.

– Нельзя, чтобы там, где перешито, засыхала кровь. Поэтому они мне говорят, лучше не останавливать ток крови и чувствовать боль. В противном случае нервные окончания верхушек пальцев отомрут.

Не задумываясь, я задала ей встречный вопрос:

– А что будет, если отомрут нервы?..

Лицо Инсон покраснело, как у ребёнка, и мы чуть было обе не засмеялись.

– Ну, тогда пришитая часть просто сгниёт.

Я, всё так же в шоковом состоянии, смотрела ей в глаза, которые словно договаривали за неё: «Разве не очевидно?»

– Поэтому мы каждые три минуты проводим вот такую процедуру. Уже часов двадцать медсёстры мучаются.

– Каждые три минуты? – спросила я, словно попугай, способный только повторять за другими.

– А как ты тогда спишь?

– Я просто лежу, немного дремлю в перерывах между визитами медсестёр.

– И как долго ты ещё так будешь?

– Где-то недели три.

Я разглядывала её ещё более разбухшие посиневшие пальцы, по которым текла кровь, но в какой-то момент не выдержала и подняла голову, столкнувшись взглядами с Инсон.

– Жуть, да?

– Да нет, – ответила я.

– Даже мне кажется, что жуть.

– Не так страшно вроде, – соврала я во второй раз.

– Кёнха, честно говоря, я устала.

Она не врала.

– Врачи уверены, что я не сдамся. Тем более что без указательного пальца правой руки жить трудновато.

Под поникшими глазами Инсон блестели мешки.

– Но если бы я действительно не хотела с этим мучаться, я бы могла ещё в больнице на Чеджудо просто попросить зашить раны и ничего не пришивать.

На что я покачала головой и ответила:

– Ты ведь работаешь с камерой, так что эти пальцы тебе ещё как пригодятся – хотя бы чтобы нажимать на кнопку записи.

– Ты права. Тем более врач говорит, что распространены случаи, когда люди всю жизнь страдают от боли в пальцах, так что лучше всё же пришить их обратно.

В тот момент я поняла, что Инсон действительно не хотелось мучаться со всем этим. Наверное, она задумывалась об этом каждые эти три минуты, когда ей прокалывали пальцы. Почему она и поинтересовалась у врачей – что будет, если отказаться от всей процедуры? Фантомная боль – боль от несуществующей конечности. Может, она и не сравнится с мучениями Инсон сейчас, но отказавшись от этой процедуры, она обречёт себя на вечную муку, от которой не сможет избавиться.

– Три недели – это ведь очень много… – пробормотала я, не задумываясь о том, каково Инсон это слышать.

– И за содержание в больнице платить тоже, наверное, очень много.

– Да, страховка такое не покрывает. Поэтому люди чаще всего просто приводят родственников и просят их ухаживать вместо врачей. Неудобно, конечно, но ничего не поделаешь – денег жалко.

Я невольно почувствовала облегчение внутри – как хорошо, что я ей не родственница и что мне не придётся каждые три минуты вкалывать те иголки ей в пальцы. А потом я задумалась о том, как она собирается покрывать больничные расходы. Как я знаю, за те четыре года с тех пор, как Инсон уехала присматривать за матерью, она жила на залог[12] с квартиры, с которой она съехала, покидая Сеул. Да, она немного зарабатывала продажей деревянной мебели и посуды, однако она явно не была готова к такому повороту жизни. «Какая теперь разница, раз я осталась одна? – отвечала она каждый раз, когда я интересовалась у неё о деньгах. – Иногда бывает, банковский счёт уходит в минус, но и то крайне редко. В основном деньги есть, иногда даже много… В общем и целом, проблем нет».

[12] В Южной Корее есть особая система залогов при аренде жилья – чонсэ – когда квартирант выплачивает при заезде крупную сумму залога, не оплачивая ежемесячно жильё, а после выезда полностью получает залог обратно.

* * *

– Это что, снег?

В недоумении от слов Инсон я обернулась.

За огромным окном, выходящим на дорогу, с неба падал редкий снег. Белые снежинки, напоминавшие тонкие ниточки, в вальсе плавали в воздухе, как бы осматривая пути в пространстве и окружающий мир – где они сталкивались взглядами с пустыми молчаливыми лицами пациентов больницы и их посетителей, уже свыкшихся с болью и вынужденностью терпеть.

Пока Инсон смотрела в окно, я смотрела на неё в профиль – сначала на слипшиеся губы, потом – на лицо. Её трудно назвать красавицей, но есть отдельный тип людей, которым дана внешность с особой аурой – она была одной из них. Дело было не только в её блестящих глазах, я думаю, центром этой красоты был её характер: она никогда не говорила лишнего, в любом состоянии бессилия или замешательства она никогда не сдавалась. Когда разговариваешь с ней, всё неясное, хаотичное, расплывчатое проясняется. В её манере речи, мимике и телодвижениях проскальзывала сдержанная вера в то, что у каждого пути есть конечный пункт и что, несмотря на падения, старания рано или поздно во что-то воплощаются и тем самым обретают смысл. Даже сейчас, когда она небрежно накрыла свою окровавленную ладонь халатом, а к её руке присосался катетер, она совсем не казалась слабой или даже расстроенной.

– Видимо, долго будет ещё валить.

Я кивнула ей в ответ. Наверное, снег и правда долго будет идти. На улице сильно стемнело.

Когда Инсон повернулась в мою сторону и заговорила, я заметила, что снег был каким-то необычным, а точнее – ненастоящим. То ли из-за его скорости, то ли из-за красоты – в изящном неспешном вальсе вечности в исполнении снежинок всё в мире чётко разделилось на важное и незначительное. И некоторые вещи стали дотошно ощутимы, например – боль; или то, что последние пару месяцев я зачем-то рвалась написать завещание; или что настоящее – где я, выбравшись из своей адской жизни, навестила больную подругу – было странным образом незнакомо и одновременно предельно понятно.

Однако мера «странности» у всех разная – и в этом мы с Инсон различались.

* * *

Четыре года назад поздней осенью, когда Инсон хоронила свою мать, она не позвала никого из Сеула, кроме меня. Время близилось к ночи, местные стали возвращаться домой, мои знакомые по работе с документальным кино, с которыми я уже давно не виделась, тоже почти сразу поехали в аэропорт – траурная комната стала утихать. Инсон поинтересовалась, не устала ли я – я покачала головой. Я собиралась оставаться у неё, поэтому для разрядки нужно было начать какой-нибудь непринуждённый разговор, но мы так давно близко не общались, что трудно было найти тему. Когда состояние матери Инсон стало ухудшаться, она хотела, чтобы я перестала приезжать. Трубку она не брала и даже перезванивала не сразу, а на сообщения отвечала только через пару дней. Я чувствовала, как она отдаляется от меня каждый раз, когда читала её короткие полупустые сообщения. «У меня всё нормально, надеюсь, у тебя тоже». Сейчас уже этот период разрыва между нами миновал. Может, теперь я могу поинтересоваться о её планах на будущее?

Когда в ту ночь она спросила у меня, как мои дела, я рассказала ей о том сне с чёрными деревьями. Думаю, это показывает, насколько мне тогда было трудно. На столе лежал мандарин и рисовые пирожки, но к ним я даже не притронулась. Я поведала Инсон о сне, о том, что

преследует он меня с лета и что начинала я думать о нём чаще по мере приближения зимы. Он мерещился мне постоянно: когда я неторопливо переходила нескончаемую восьмиполосную дорогу по пути в больницу из-за хронических спазмов пищевода, или когда я ждала кого-то в шумном кафе, съёжившись где-то в углу и пристально наблюдая за входной дверью, или когда я просыпалась в мандраже от очередного кошмара и смотрела на потолок – каждый раз я видела один и тот же пейзаж: просторное поле, снег и внезапно нахлынувшее море.

Поэтому я спросила Инсон, не хотела бы она помочь мне с этим сном. Например, посадить деревья, взращивать их и ждать, когда пойдёт снег, чтобы снять это на камеру.

– Тогда надо этим заняться, пока осень не кончилась, – дослушав меня до конца, сказала Инсон. В чёрном чхимачогори[13] и с туго собранными чёрной резинкой короткими волосами, Инсон выглядела невозмутимо и серьёзно. – Нужно посадить девяносто девять деревьев, пока земля не замёрзла.

Уже становилось довольно холодно, но в середине ноября мы собрали людей и посадили деревья на заброшенном участке земли, который достался Инсон в наследство от отца.

– На Чеджудо земля тоже промерзает? – спросила я.

– Конечно, в гористой местности даже на всю зиму, – тут же ответила Инсон.

– Надеюсь, что снежинки будут крупными, чтобы можно было запечатлеть на камеру.

Я боялась, что на Чеджудо много снега не бывает – не могла перестать об этом думать. Здесь умеренный климат и растут субтропические деревья, откуда снегу взяться? Я стала рассматривать и другие варианты – места похолоднее даже Сеула[14], может, где-то поближе к провинции Канвондо[15].

– А о снеге можешь не беспокоиться.

В уголках её улыбающихся глаз нарисовались морщинки – в тот день она впервые засмеялась. Инсон рассказала, что в этой деревне часто идёт и дождь, и снег, а ещё нередко всё накрывает туманом – весной вообще до такой степени, что солнца не видно и женщин поглощает депрессия. Летом постоянные ливни, и даже в сухие весну и осень дождь льёт раза два-три в неделю, а до конца марта крупный снегопад – дело обычное.

– Самое сложное – деревья, как минимум нужно тщательно спланировать их рассадку, собрать людей. А снег – пустяки, я могу снимать хоть каждый снегопад на плёнку.

Все эти планы сразу же всё отснять и сделать пришлось отложить из-за моих личных проблем, возникших по возвращении в Сеул. А после всё стало по-старому – в один год у меня не получается, в иной – у неё. «В этом году снова первый снег упустили и ничего не сняли», – помнится думала я. Одна звонила другой и рассказывала, как у них идёт снег, и спрашивала, как там со снегом – на что другая отвечала: «Завтра выпадет». Потом кто-нибудь из нас спрашивал: «Тогда уже в следующем году?» На что другая отвечала: «Да, обязательно». Иногда никто ничего не говорил, и мы просто смеялись, бесконечно оттягивая спланированное – мне стало казаться, что так будет всегда.

* * *

Скрежет открывающейся алюминиевой коробки. Я нервно наблюдаю за тем, как медсестра снова выдавливает из дозатора на руки антисептик и смазывает ладони, пока Инсон, словно оглохнув и не воспринимая мой взгляд, сухо смотрит мне в душу.

---

[13] Традиционное корейское платье.

[14] Географически Сеул находится на севере Южной Кореи и по сравнению с Чеджудо – островом на юге – и даже другими городами в южной части материка там довольно прохладно (например, средняя температура в январе в Сеуле – ноль градусов, а на Чеджудо – шесть).

[15] Северная провинция в Южной Корее.

– Трудно, конечно, что с кровати не слезть, никуда не сходить, – сказала Инсон, слегка скорчив усталую улыбку.

– Нельзя даже немного пройтись, руки напрягать запрещают.

Медсестра продезинфицировала обе иголки и ещё раз промыла руки антисептиком на случай, если с иголок к ней на руки попали какие-либо бактерии.

– Мне сказали, что нервные окончания легко могут оборваться, а они до самых плеч тянутся, поэтому в таком случае придётся под анестезией очередную операцию проводить, чтобы найти нерв. А в начале года ещё был случай, когда человек не проснулся от анестезии, его отвезли в другую больницу. Пару лет назад даже был случай сепсиса у пациента – он умер.

Инсон замолчала. Я снова уставилась на то, как медсестра невозмутимо воткнула иголку в рану Инсон, и пожалела, что задержала дыхание вместе с Инсон. Разве я не поняла это ещё в вестибюле? Что если вглядываться, становится только неприятнее? Когда медсестра начала вкалывать вторую иглу в средний палец Инсон, я отвернулась на телефон, лежащий на подушке. Я представила, как Инсон пришлось напрягать спину, плечи и левую руку, чтобы отправлять мне сообщения, не двигая правой рукой. Два раза она всеми силами вбивала буквы и пробелы, чтобы спросить: «Сможешь сейчас приехать?»

Но почему она написала мне?

У неё было не много друзей, но были люди, с которыми она хорошо ладила и поддерживала контакт. Мне бы ни за что в голову не пришло, что в такой ситуации она свяжется именно со мной. Когда я прошлым летом пыталась выбрать получателя моего завещания, я о Инсон даже не вспоминала – вероятно, из-за того, что она жила далеко. И я бы не хотела нагружать её после того, как она в одиночку присматривала за своей матерью и проводила её в иной мир. В тот период первой начала отдаляться Инсон, и несмотря на происходящее в моей жизни, я порой задумывалась: не могла ли я приложить чуть больше усилий? Ведь до этого острова, по сути, можно добраться на самолёте всего за час – зачем воображать, словно он на другом конце света?

Из-за этих мыслей, вместо того чтобы уверенно поддержать её, я вопросительным тоном выкинула:

– Ты… ведь справишься?

Я заметила, как у Инсон, пытающейся вытерпеть боль от кровотечения в пальцах, задрожали губы. Она смотрела на меня блеклым взглядом, коего я не видела за долгие годы нашего общения, будто бы в попытках вынести боль её сознание на мгновение помутилось. Неужели нет иного, менее жестокого способа сохранить нервные окончания? Я не могла принять столь суровую реальность – всё же живём в двадцать первом веке, а в медицине до сих пор не придумали чего-то, помимо этого? Может, проблема именно в этой мелкой больнице? Ведь она торопилась, искала что-то вблизи аэропорта.

В глазах Инсон снова заблестела жизнь. Сначала я понадеялась, что она не услышала мой вопрос – но она, словно восприняв его на полном серьёзе, шёпотом ответила мне:

– Как минимум стоит постараться.

Снова эта её старая привычка. Раньше, когда мы вместе ездили куда-нибудь на съёмки, я могла вспылить, когда возникали какие-то проблемы на съёмочной площадке или с людьми, у которых мы брали интервью, но Инсон – нет, она всегда так говорила: «Ничего, давай продолжим». И не важно – решу я проблему, решу ли я её только частично или вообще не решу – она за короткий срок сама устанавливала всё оборудование, сама убеждала всех людей продолжать работать, и в итоге ждали только меня. Когда нужно было снимать интервью, она ставила камеру на штатив, а когда нужно было делать фото – брала её в руки и, смеясь, говорила мне:

– Если нужно что-то сделать, достаточно просто начать!

Улыбка Инсон была заразной – она сразу осветляла мой день, а её спокойный взгляд внушал ещё больше уверенности.

«Ничего страшного, я всё сделаю».

Эти слова успокаивали меня как некое заклинание. В любой ситуации – будь то вредный человек на интервью или какие-то непредвиденные обстоятельства при съёмке – достаточно было посмотреть на её умиротворённое лицо, глядящее в видоискатель камеры, чтобы всё беспокойство или злость улетучились.

* * *

Тогда я и осознала, что, когда мы в последний раз говорили по телефону, она сказала то же самое.

Одним утром августа прошлого года, когда, болтаясь между реальностью и сном, я снова столкнулась с тем полем, покрытым чёрными брёвнами, я сумела проснуться и убежать из этого лимбо. Подняв своё взмокшее от пота тело, я пошла на веранду, открыла все окна, но как только почувствовала дуновение прохладного ветерка, воздух снова начал нагреваться.

Стрекотали цикады, казалось, этой ночью они и не утихали. Чуть позже внешние блоки кондиционеров соседних квартир снова зашумели. Я закрыла окна и приняла холодный душ, пытаясь смыть с себя соляной покров, оставшийся от одежды. В этой жаре было некуда бежать, некуда прятаться – я разлеглась на полу гостиной, положив телефон рядом с головой, и ждала, когда часы пробьют семь. Потому что до полудня Инсон могла говорить только в это время – с раннего утра до шести вечера она работала в мастерской, оставляя телефон в беззвучном режиме.

– Алло, Кёнха? – как обычно радостно поприветствовала меня Инсон.

– Как ты?

Я ответила ей, что лучше нам бросить проект с посадкой чёрных деревьев, что я с самого начала не так поняла этот сон, что мне было жаль и что при встрече я расскажу ей об этом подробнее.

– Вот как… – сказала Инсон в ответ. – А ведь я уже начала им заниматься… Сразу после того, как ты приехала в тот раз.

Человеком, первым заговорившем об этом годом ранее осенью на Чеджудо, была Инсон. «В этот раз я точно этим займусь», – говорила она, на что я ей ответила: «Хорошо, давай». Я осторожно спросила её: «А ты за всё это время ничего ещё не сняла?» И добавила: «То есть ты хочешь начать заново?» Инсон, немного подумав, ответила: «Да, наверное».

– Кёнха, я с зимы собираю деревья, – спокойным тоном говорила Инсон, словно это был проект, за который она отвечала.

– Я собрала все девяносто девять деревьев и с весны их высушиваю. Сейчас, конечно, лето, и погода достаточно влажная, но где-то в октябре, думаю, сможем довести их до нужного состояния. Если постараемся, то сможем их высадить до того, как земля промёрзнет, и с декабря до самого марта мы будем снимать.

Когда я ей звонила, я особо не думала о том, как продвигается подготовка, поэтому удивилась. Про себя я думала, что, как и в последние четыре года, у неё найдётся причина, из-за которой она ничего не делала с этой задумкой.

– Может, эти деревья где-то в другом месте пригодятся?

Инсон засмеялась:

– Очень сомневаюсь.

У Инсон была манера передавать свои эмоции в едва ли заметной перемене в смехе. Когда ей было весело или смешно, то, естественно, смеялась она искренне и шутливо, но другое дело, когда она смеялась перед тем, как отказать в чём-то или выразить несогласие, при этом не желая ссориться.

– Прости меня, Инсон, – снова извинилась я, – но нам правда лучше забросить эту затею.

Уже без смеха серьёзным тоном Инсон спросила:

– А ты не передумаешь?

– Нет, не передумаю.

Мне показалось, что я была недостаточно убедительна:

– Это моя вина. Я всё неправильно поняла.

Те несколько секунд, пока Инсон молчала, тянулись целую вечность. Разорвав тишину, она ответила:

– Ничего страшного, я всё сделаю.

– Нет, Инсон, не нужно, – пыталась я её отговорить, но она, словно великодушно отвечая на извинения, сказала: «Да нет, всё в порядке». Почему-то её голос звучал так, будто она пыталась успокоить меня, а не себя: «Всё в порядке, Кёнха, не беспокойся».

* * *

Три минуты прошло, снова – будоражащий скрежет открывающейся алюминиевой коробочки медсестры. Я столкнулась взглядом с ней, и будто оправдываясь, она сказала:

– Ваша подруга большая молодец, очень крепко держится.

Не реагируя на её слова, Инсон медленно протянула медсестре свою правую руку. Покрытый кровью бинт выглядел засохшим. А медсестра с утра вообще меняла его? У неё ведь постоянно кровь течёт…

– Так и все врачи, и все медсёстры говорят – вы очень хорошо справляетесь.

Пока две иглы вонзались и выходили из пальцев Инсон, она молча смотрела в окно. Маленькие, но полные влаги снежинки, падая вниз, чертили изящные вертикали.

– Какой-то странный он – снег, – сказала Инсон и, не дожидаясь ответа, добавила: – Откуда он вообще берётся?

* * *

Словно она с самого начала адресовала это не мне, а кому-то другому – где-то за окном – Инсон заговорила шёпотом:

Когда я очнулась в грузовике,

Я почувствовала вопиющую боль, пронизывающую мои пальцы.

До этого такую боль мне не приходилось даже представлять.

И даже теперь, испытав её, мне сложно её описать.

Я не могла понять, сколько прошло времени,

Кто и куда меня вёз.

Единственное, что мне было понятно – это то, что мы проезжали Халласан[16]*, потому что по дороге нас постоянно окружали деревья*[17].

Посреди коробок, толстых резиновых верёвок, грязных одеял и тележки с заржавевшими колёсами корчилась я, похожая на умирающего таракана.

Боль была такая дикая, что мне казалось, я потеряю сознание, и в тот момент я почему-то вспомнила о твоей книге.

И я подумала о людях из книги… Или даже, скорее, о людях, которые действительно там были и это пережили.

Нет, не только там, я подумала обо всех людях, коих настигла похожая участь.

---

[16] Самая высокая гора в центре острова Чеджудо.

[17] В Корее практически все горы, за исключением некоторых скалистых или самых высоких, и сопки покрыты лесным покровом. Иероглифически для леса и гор даже используется одно и то же слово – «сан».

Люди, в которых стреляли,
Избивали дубинами, резали ножами,
Люди, которые умирали.
Какая у них была боль?
Сравнится ли моя боль с той?
Той болью, которую испытывали те, кому отрывали части тела до смерти.

* * *

Тогда я осознала, что всё это время Инсон думала обо мне. Точнее, о нашей задумке. Даже не так – о тех чёрных брёвнах из моего сна четырёхлетней давности. О той книге, которую я написала, вдохновляясь тем сном.

А дальше я поняла кое-что ещё более страшное, и у меня в миг перехватило дыхание. Ещё прошлым летом Инсон сказала, что она нашла деревья, что она высушила более сотни брёвен, что с осени она их вырезала, пытаясь придать им форму сгорбившихся людей.

* * *

Неужели она потеряла фаланги из-за этого?

Я не могла убежать от этих мыслей и всё-таки спросила:

«Слушай, помнишь, я сказала тебе забыть о той нашей затее? Ты случайно не этим занималась, когда пальцы порезала?»

Мне хотелось сказать ей: «Я же чётко сказала, что не нужно продолжать, зачем ты занималась этим одна?» – но я не могла. Мне не нужно было предлагать ей заняться этим. Мне не стоило рассказывать ей о сне, который я сама не могла понять. Я не должна была её в это втягивать.

– Кёнха, это неважно.

Инсон, понимая, что я буду извиняться, сожалеть и винить себя, словно пытаясь меня остановить, сразу же после своего терпкого ответа поспешно добавила – и уже не шёпотом, словно она у моего уха, а ясно и в полный голос, спонтанно превозмогая всю боль:

– Я позвала тебя сегодня сюда не из-за этого. Я хотела кое о чём тебя попросить.

Её сверкающие, исполненные жизни глаза приковали меня к месту – я ждала её просьбы.

Снегопад

Сначала я подумала, что это были птицы – куча обляпанных белыми перьями птиц, двигающихся в мою сторону с горизонта.

Но я ошибалась – это шквал ветра взъерошил облака над далёким морем, и падающие снежинки заблестели солнечным светом, сочившимся сквозь образовавшиеся в них щёлочки. Отражавшиеся от воды лучи освещали их с противоположной стороны, создавая иллюзию пролетающих над морем птиц в форме длинного лучезарного пояса.

Я впервые сталкиваюсь с такой вьюгой. Лет десять назад Сеул накрыло снегом по колено, но даже тогда воздух не был так плотно переполнен снежинками. Город находится в глуби континента, поэтому сильный ветер там тоже в диковинку. Когда береговую линию, по которой ехал автобус, накрыла вьюга, я, пристёгнутая ремнём безопасности, сидела в самой передней части и наблюдала за пальмами, съёживавшимися от сильного ветра. Видимо, взмокшая дорога по температуре почти уже достигла точки замерзания, поэтому весь падающий снег на земле не задерживался – сюрреалистично. По каким-то неведомым мне законам атмосферы ветер иногда прерывался – тогда крупные снежинки сильно замедляли темп, и, вероятно, не будь я в автобусе, смогла бы разглядеть эти шестиугольные кристаллы даже невооружённым взглядом. Однако, когда ветер возвращался, снег снова поднимало в воздух, словно кто-то включал невидимый аппарат для приготовления попкорна. Казалось, снег падает не с неба, а поднимается с земли. Зрелище создавало такое впечатление, будто снег падает не с неба, а возвышается с земли.

Я начинаю немного беспокоиться. Может, мне не стоило садиться на этот автобус?

Самолёт, два часа назад приземлившийся в Чеджудо, очень сильно трясло. Похоже, это был феномен «сдвига ветра»[18]. Пока самолёт скользил по взлётно-посадочной полосе, я направилась к выходу и услышала, как одна молодая женщина с соседнего сидения, смотря в телефон, пробормотала: «Ох, посмотри, говорят, все последующие рейсы временно отложили». На что её спутник, молодой мужчина, ответил: «Получается, нам сильно повезло». Девушка рассмеялась: «Сильно повезло? С такой-то погодой?»

Как только я вышла из аэропорта, на меня налетела такая сильная вьюга, что трудно было полностью открыть глаза. После того как все четыре таксиста отказались везти меня, я перешла дорогу обратно к передней части аэропорта и подошла к человеку в светоотражающем жилете, загружавшему чемоданы в пассажирский автобус, чтобы спросить, почему таксисты отказываются меня везти. Услышав, куда мне нужно добраться, пожилой мужчина посоветовал мне поехать на автобусе. Он сказал, что в такое время, когда на острове одновременно объявили и о сильном снегопаде, и о сильном ветре, ни одно такси не станет везти её в деревушку посреди гор – там был дом Инсон. А все автобусы, по его словам, надевали на колёса цепи в такую погоду и прекращали движение только если снег шёл всю ночь. Кроме того, он сказал, что завтра в ту деревню из-за того, что дороги завалит снегом, скорее всего, трудно будет попасть.

– Тогда на каком автобусе я смогу добраться дотуда? – спросила я, на что он просто покачал головой.

– Вам нужно сначала доехать до автовокзала, – сказал он, нахмурившись от непрестанно валящего на его нос снега. – Оттуда вы уже до любой точки острова сможете доехать».

Так я и поступила: села на первый попавшийся автобус и направилась к автовокзалу. Стало темнеть, будто время близилось к шести вечера, но на часах было только половина третьего. Инсон живёт в глухой деревне – до неё от остановки идти как минимум минут тридцать. На дороге даже нет уличных фонарей, Инсон обычно по ночам носила с собой лампу, значит,

[18] Феномен, когда ветер усиливается из-за резких изменений в небольшом участке в атмосфере.

в такую погоду я вряд ли смогу без проблем до неё добраться. Но переждать день в каком-нибудь отеле тоже не вариант, потому что, вполне возможно, дороги в горы завалит снегом.

Когда я приехала на автовокзал, долго ждать не пришлось – я нашла автобус, который ехал до южного побережья и делал остановку в уездном городе[19] П., он ближе всего к деревне Инсон. Есть ещё автобус, который едет напрямую до этой деревни через гору Халласан, но его пришлось бы ждать более часа, поэтому я решила поехать сейчас. Инсон говорила, что, когда ей было нужно на почту или решить вопросы по сельскому хозяйству, она ездила на грузовике в этот уездный город. Как-то раз я прокатилась с ней – по этой дороге, ведущей вниз с горки и усеянной лесом из камелий с обеих сторон. Тогда она рассказала, что есть маленький автобус, который ходит с интервалом в час и соединяет город с деревней, и что в дни с хорошей погодой, когда она налегке, вместо грузовика она ездит на этом автобусе, чтобы прогуляться до моря. «Куда ты идёшь?» – спросила я, на что она молча глазами указала в сторону песчаного берега с прибоем перед морем лазурного оттенка.

Всё это я чётко помнила, поэтому мне казалось, что самый оптимальный вариант – доехать на автобусе до уездного города, а там пересесть на тот маленький автобус до деревни. Но проблема была в том, что остров этот напоминает формой овал и береговая линия с запада на восток очень длинная. Возможно, дождаться автобуса, который ехал через гору Халласан,[20] и добраться на нём, было бы всё-таки быстрее. Пока я буду ехать до уездного города П., тот маленький автобус, возможно, уже перестанет ходить из-за снегопада.

Покрытые крупными гроздьями расцветших пурпурных цветочков тропические деревья развевались на ветру. На цветках не было ни одной снежинки – настолько яро он резвился. Некоторые более длинные ветви пальм разносило сильнее других. Размокшие листья, стебли цветков и бесчисленные ветки всех деревьев в этой вьюге словно существовали отдельно друг от друга – поддаваясь мандражу в отчаянных попытках скрыться от настигшей их участи.

«Тот снегопад в Сеуле, по сравнению с этой вьюгой – полная благодать», – подумала я. Ещё только четыре часа назад, когда я вышла из больницы, где лежит Инсон, я села на заднее сиденье такси и наблюдала за тем, как падающий с неба пепельного оттенка снег, напоминая обрывки нитей, заполонял пространство. Инсон – каждые три минуты проливающая свежую кровь от пронзающих её пальцы игл; шепчущая, стараясь не напрягать голосовые связки; глядящая на меня сияющими глазами – то ли от боли, то ли почему-то ещё – Инсон. Я попрощалась с ней и направилась в аэропорт Кимпхо. Дворники упорно убирали с переднего стекла похожие на обрывки ниток прилипавшие к нему снежинки.

* * *

Я приехала сюда, потому что Инсон попросила меня съездить к ней домой.

– Когда? – спросила я.

– Сегодня, пока не зашло солнце, – ответила она.

Я не была уверена, что успею, даже если сразу на такси поеду до аэропорта и сяду на первый же самолёт до Чеджудо. «Может, она шутит?» Но нет, взгляд её говорил об обратном.

– Если не успеешь, он умрёт.

– Кто?

– Попугай.

---

[19] В административном делении Южной Кореи схожая с российскими субъектами единица – провинции. Каждая из них, не включая крупные города с особым статусом (как Сеул), делится на уезды, в которых уездные города – это крупнейший центр уезда, и там концентрируется основная инфраструктура, как, например, банки, почта и т. д.

[20] Гора располагается в самом центре острова, поэтому такой маршрут подразумевает, что можно добраться напрямую, вместо того, чтобы огибать весь остров по береговой линии.

Вместо того чтобы переспросить и удостовериться, я вспомнила про маленьких попугайчиков, которых я увидела у неё, когда приезжала прошлой осенью. Один из них даже поздоровался со мной: «Привет!» И меня это застало врасплох, потому что интонация очень напоминала Инсон. Раньше я не знала, что попугаи, помимо произношения, могут повторять и людские интонации. Что потом ещё больше меня поразило, так это то, что он использовал такие короткие выражения, как «Да» или «Нет», «Не знаю» и так далее, постоянно перемешивая их между собой, якобы отвечая на вопросы Инсон, и они идеально подходили! «Люди зря говорят: “Повторяешь, как попугай”», – подметила в тот день Инсон. «Ты только посмотри, как они между собой общаются!» – со смехом убеждала она сомневающуюся меня. «Попробуй сама, подними руку». Я колебалась, но улыбка Инсон придала мне храбрости – я открыла дверцу клетки и просунула туда указательный палец. «Садись ко мне на пальчик». Попугайчик сразу же ответил: «Нет». Сначала я смутилась, думая, что он отказался, но потом он своими маленькими сухими лапками перебрался на мой палец – словно весил всего пару граммов – и что-то дрогнуло у меня внутри.

– Ами умер пару месяцев назад, так что теперь остался только Ама.

Если мне не изменяет память, то разговаривал Ами, и Инсон говорила, что он проживёт ещё лет десять. Почему он так внезапно умер? Ами был белым попугайчиком с переливающимся жёлтым оттенком, который был даже нежнее желтизны лимона.

– Проверь, жив ли ещё Ама. Если да, то дай ему воды.

В отличие от Ами, Ама был полностью белым, поэтому выглядел незаурядно. Несмотря на то, что Ама не мог говорить, он прекрасно имитировал то, как Инсон напевает. Почти сразу, как Ами подлетел и сел на мой палец, Ама тоже взлетел и присел на моё правое плечо – и ровно так же как Ами, был очень лёгким и с сухими лапками, которые я почувствовала даже сквозь шерсть своего свитера. Я хотела было посмотреть на него, но стоило мне чуть-чуть шевельнуться, как он сразу же повернул клюв ко мне, склонил головку и задумчиво на меня уставился.

– Хорошо, – кивнув, ответила я Инсон, осознавая, что она не шутила. – Я тогда поеду домой, соберусь и завтра с утра полечу первым же рейсом…

– Нет.

Обычно Инсон никогда не прерывает людей, пока те говорят.

– Так будет уже слишком поздно. Пальцы я себе порезала уже позавчера – в тот же день ночью мне сделали операцию, и до вчерашнего дня я была не в себе. А сегодня немного пришла в себя и сразу же связалась с тобой.

– А на острове нет никого, кого бы ты могла попросить об этом?

– Нет.

В это трудно было поверить.

– Ни в городе Чеджу[21], ни в Согвипхо[22]? А что насчёт той бабушки, которая тебя нашла?

– У меня нет её номера.

Тон её голоса показался мне необычно отчаянным.

– Кёнха, мне не на кого положиться, кроме тебя. Присмотри за Ама, пока я не вернусь.

Я удивилась и хотела спросить, серьёзно ли она хочет, чтобы я ещё присматривала какое-то время за ним, но Инсон, не дав мне возможности, добавила:

– К счастью, позавчера утром я наполнила его миску водой и оставила кучу проса, сухофруктов и гранулы, потому что собиралась работать допоздна. Так что, возможно, он протянул эти два дня, но на три дня этого всего не хватит, завтра он точно умрёт, а сегодня его ещё можно спасти.

---

[21] Город на острове с одноимённым названием.

[22] Второй по величине город на острове Чеджудо.

– Хорошо, я поняла, – попыталась я утешить Инсон, на деле при этом ничего не понимая. – Только я вряд ли смогу жить в твоём доме, пока ты не вернёшься. Поэтому, может, я лучше привезу его тебе в клетке? И тебе самой поспокойнее будет, если его увидишь.

– Нет, – твёрдо ответила Инсон.

– Ама вряд ли справится с такой резкой сменой обстановки.

Я была в замешательстве. За двадцать лет нашего общения Инсон никогда не просила у меня о чём-то настолько трудном. В сообщении она попросила меня взять с собой удостоверение личности, поэтому я подумала, что ей нужно было срочно подписать какие-то документы для операции, и даже не зашла домой, сразу сев на такси. Может, у неё немного помутнел рассудок от сильной боли и шока? Или она пытается навязать мне чувство вины? Неужели ей и правда некого больше просить, кроме меня? Ни одного человека, который смог бы прожить там месяц, присматривая за птичкой, и у которого не было бы ни семьи, ни работы, ни смысла в повседневном существовании? Какая бы у неё ни была причина выбирать меня, отказать я ей не смогла.

* * *

Каждый раз, когда ветер разносил облака над морем, на горизонте проблёскивал солнечный свет. Тогда снежинки, напоминающие огромные косяки птиц, возникали словно мираж, слегка касаясь поверхности моря, и столь же резко исчезали. На стекло, к которому я прижалась виском, тоже непрестанно падали крупные снежинки, которые мигом смывались ежесекундно скользящими дворниками.

Подняв голову, запускаю руки в карманы. Открываю пачку жвачки, попавшуюся мне в ладонь. Я купила её ещё в аэропорте Кимпхо в Сеуле, еле успев на посадку. В пачке было двенадцать кругленьких жвачек, обёрнутых в серебряную фольгу, одну из которых я сжевала, когда летела в самолёте. Вытаскиваю вторую, кладу на ладонь и закидываю в рот. От жвачки у меня взбух живот. Это признак надвигающейся мигрени, сродни звуку трескающегося льда где-то вдали. Я не понимаю, по какому принципу возникает мигрень – она может настигнуть в любой момент – и сопровождается спазмом пищевода и резким понижением давления. Поэтому обычно всегда ношу с собой лекарства, но сегодня я вышла из дома ненадолго – по крайней мере так я планировала – так что не взяла их. Когда начнут проявляться симптомы, уже никакая скорая помощь не поможет. Я по опыту знаю, что в таких ситуациях – перед самим приступом – помочь может только жвачка. Плохо будет даже от самой мягкой и нежной каши, потому что после того, как начнётся мигрень, начнёт тошнить.

– Куды едем? – громко спросил водитель с заметным диалектом. Наверное, он подумал, что я местная, раз у меня нет с собой сумки, да и одета я была обычно.

– До уездного города П.

– Ась?

– До уездного города П., – ответила я погромче.

Водитель сидел совсем рядом, но ответа его я не разобрала – его голос заглушал бушующий снаружи ветер. Наверняка он интересовался этим из-за того, что все остановки были пустые, а в автобусе не было пассажиров, кроме меня, чтобы удостовериться, что можно спокойно не снижать скорость.

Однако на следующей же остановке объявился человек. Это был мужчина лет тридцати, смахивавший на туриста. Он тряс рукой, вытянув её к дороге. Войдя в автобус, он сразу же свалился на заднее сиденье, даже не оплатив проезд, – видимо, еле выстоял вьюгу. Он снял свой рюкзак, выглядевший довольно тяжёлым, отложил его на сиденье рядом и тогда уже вытянул из своего джемпера кошелёк.

– Вы же до аэропорта?

– Ой, так те на противоположной стороне садиться нужно. И самолёты щас не летают, – громко ответил водитель сразу после того, как мужчина приложил свою транспортную карту.

– То есть вы не едете в аэропорт? – уже отчаянным голосом спрашивает уставший мужчина.

– У вас же прямо на автобусе написано, что едете в аэропорт.

– До аэропорта-то ты доедешь… Но если б с другой стороны сел, намного быстрее б доехал.

– А я так долго ждал на остановке… Раз уж сел, лучше доеду до аэропорта.

– Чегось? Так нам ж ехать два часа… – цокнув, сказал водитель.

– Дело-то, конечно, твоё, но сегодня ж самолёты всё равно не летают, те зачем туда?

– Я знаю, буду в аэропорту до утра ждать.

Судя по голосу мужчины, он очень старался сдержать себя – наверное, злился потому, что водитель невежливо с ним обращался, когда сам пытался поддерживать уважительный тон.

– До утра? Так они ж до одиннадцати только работают, не?

– Тогда как быть тем, кто сегодня не смог улететь? – удивлённо спросил мужчина.

– Что значит “как”? В отели заселяться! Не повезло людям, конечно, с такой погодкой, ничё не поделаешь даже, – сказал водитель, поглядывая за ошарашенным мужчиной разинутым ртом через боковое зеркало, и покачал головой.

На этом диалог оборвался. Мужчина – словно сдавшись – застегнул ремень и достал телефон. Наверное, ищет, где ночь провести, или пытается связаться со знакомыми. Я обращаю взгляд на окно, наполовину закрытое его рюкзаком. Над нами должен возвышаться потухший вулкан высотой в две тысячи метров, но вокруг совсем ничего не разобрать. Огромные массы туч и снега закрыли всё пространство. На побережье ветер уносит снег в открытое море, словно белую стаю птиц, именно поэтому там его никогда не бывает много, а солнечный свет пробивается сквозь тучи. Но в горах всё иначе – всё сплошь устлано снегом и атмосфера переполнена пасмурной серостью. Когда я приеду в П., я попаду в самую гущу этой вьюги.

* * *

Интересно, а Инсон привыкла к таким снегопадам? Этот вопрос не давал мне покоя. Поразила бы её такая погода или нет? Когда в воздухе всё смешивается и ничего не разобрать – и тучи, и туман, и снег. Смогла бы она различить свой дом, в котором родилась и выросла, в этой снежной мгле? И смогла бы постоянно думать о своём попугае – умер ли он или ещё жив…

Во время нашей первой совместной с Инсон поездки по работе, я думала, что она была из Сеула, потому что она ничего не рассказывала о детстве и у неё не было акцента[23]. Я поняла, что она родом с далёкого острова только после того, как услышала как-то раз, как она говорила с матерью в телефонной будке. И разница не ограничивалась парочкой необычных слов, это явно был какой-то диалект. На её лице появилась улыбка, она что-то спросила, а потом, кажется, пошутила, сильно рассмеялась и положила трубку – я почти ни слова из её речи не поняла.

– О чём это таком весёлом вы с матерью разговариваете?

– Да так, она просто сказала, что опять смотрит баскетбол, – радостно ответила Инсон.

На её лице ещё оставались отголоски смеха.

– Моя мама уже просто как бабушка. Она родила меня после сорока, так что ей уже далеко за шестьдесят. Она даже правил в баскетболе не знает, но смотрит – говорит, там просто людей много, а она ведь одна живёт, так что, когда нет работы, ей одиноко.

Её голос отдавал игривостью: как будто лучшие друзья по секрету говорят о недостатках друг друга другим.

---

[23] В Южной Корее сильно распространены диалекты, которые чаще всего разнятся между провинциями.

– Она до сих пор работает?

– Конечно, бабушки, бывает, и до восьмидесяти работают. Они там друг другу обычно помогают собирать мандарины, – рассмеявшись, сказала Инсон и вернулась к теме. – Ей и футбол смотреть нравится. Там ведь людей ещё больше. Ты бы знала, с каким энтузиазмом она смотрит новости о всяких протестах или парадах – как будто бы она там кого-то знает.

С того момента, если нам было нечего делать, пока мы были в пути на автобусе или поезде или пока ждали еду в ресторане, я, бывало, просила Инсон научить меня диалекту Чеджу. Мне просто понравилось, как она говорила с матерью – это мягкое произношение и все эти звонкие согласные.

– Тебе это всё равно на Чеджудо не пригодится, по тебе же сразу понятно будет, что ты не местная, – поначалу отговаривалась Инсон. Но чуть позже, когда она признала мой искренний интерес, мы начали с азов. Самыми интересными были всякие окончания глаголов и прилагательных, которые отличались от обычных окончаний в корейском. Иногда мы практиковались в разговоре, и каждый раз, когда я ошибалась, она поправляла меня, еле сдерживая себя от смеха. Как-то раз она мне сказала:

– Знаешь, говорят, что у нас окончания покороче, потому что ветер сильный дует – он их съедает.

Так вот и отложился образ родины Инсон в моей голове – с их интересным диалектом ~~(и короткими окончаниями)~~ и её бабушкой, которая, как ребёнок, смотрела матчи по баскетболу, потому что скучала по людям. Но это было до тех пор, пока я не уволилась из редакции – мы с Инсон, не прекратившей со мной общаться и после увольнения, встретились перед новым годом одним поздним вечером.

Мы сидели в одном кафе, где подавали куксу[24], у окна, выходящего на проезжую часть без особого движения. Я помню, что тогда нам было страшно, что пролетел очередной год.

– Снег идёт, – сказала Инсон, пока я разделяла лапшу на две части. Я выглянула наружу.

– Где?

– Его видно было, когда машина проехала.

Как только проехала следующая легковая машина, её фары осветили поднимающийся посреди темноты снег, похожий на мелкую соль.

Инсон положила свои палочки и вышла из кафе. Я продолжала есть и смотрела на неё через окно. Сначала я подумала, что она вышла кому-то позвонить, но её телефон лежал на столе. Может, она хотела пофотографировать? Нет, камеру она тоже оставила. Может, тогда вышла посмотреть, с какого ракурса лучше снимать? Я заметила, что, когда я с Инсон, она часто делала либо одно, либо другое, поэтому я всегда вот так гадала. Обычно она наблюдала за чем-то, размышляя о том, как это можно запечатлеть на камеру, либо же просто думала о чём-то своём, пока я покорно ждала.

Но в этот раз она не вернулась за камерой. Я смотрела на неё со спины, пока северный ветер оголял её тощие плечи и тонкую шею, а она, воткнув обе руки по карманам выцветших джинс, неподвижно стояла на месте. Снова проезжает автомобиль, освещая снег, похожий на мелкую соль, и разбрасывая его во все стороны. На неё словно нагрянула амнезия – она не помнила ни о лапше, ни обо мне, ни о том, сколько сейчас времени или где она. Вскоре она зашла обратно в кафе, и пока она шла к нашему столу, я наблюдала за тем, как упавшие на её голову снежинки превращались в мелкие капельки воды.

Мы молча продолжили есть. Когда с кем-то долго общаешься, понимаешь, что в некоторые моменты нужно просто посидеть в тишине. Мы обе сложили палочки, и только спустя какое-то время она заговорила – рассказала о том, что, когда ей было восемнадцать, она как-то убежала из дома и хотела покончить с жизнью. Меня это искренне поразило, потому что я

[24] Корейская лапша.

понимала, насколько Инсон дорога своей матери. Она овдовела, когда Инсон было девять, и в старости воспитывала её в одиночку, пока Инсон не поступила в университет.

– Ты всегда говоришь, что мать для тебя как бабушка, поэтому я думала, что ваши отношения похожи на мои с моей бабушкой, – сказала я Инсон. – Она отличалась от моих родителей. Мы с ней никогда не ссорились, и… она всегда всё делала для меня.

– Моя мама действительно была такой же, прямо как бабушка. Она никогда от меня ничего не требовала и ни за что не порицала, – соглашаясь, тихонько посмеялась Инсон.

Говорила она осторожно, словно её мама сидела рядом с нами и всё слышала.

– В детстве меня всегда всё устраивало. И мама, и отец не любили кричать, поэтому дом у нас был всегда тихий. А после смерти отца стал ещё тише. Мне всегда казалось, что в мире нет никого, кроме меня и мамы. Иногда по ночам у меня болел живот и мама перевязывала мне большие пальцы ниткой, укалывая иголкой под ногтём, и долго гладила меня по животу. «Ой, дочурка ты моя. Вся в папеньку своего, такая же хрупкая…», – бубнила она себе под нос, глубоко вздыхая, – сказала Инсон, помешивая палочками лапшу, пока не поняла, что лапши в тарелке больше нет. Она аккуратно положила палочки на стол, словно кто-то придёт их проверять.

Но в том году по какой-то причине мать свою она ненавидела.

* * *

Чувство всплывающего от солнечного сплетения к горлу пламени ужасно раздражает. И дом тоже раздражает. И путь от него до остановки в полчаса тоже раздражает, и необходимость идти потом в школу тоже – раздражает. Раздражала меня и мелодия «К Элизе», которая звучала, предупреждая учеников о начале занятий. Раздражали сами занятия, и больше всего раздражали дети, раздражала школьная форма, которую мне приходилось стирать и гладить каждые выходные.

В какой-то момент меня начала раздражать даже мама. Просто потому, что мне было противно абсолютно всё. Меня тошнило от самой себя, поэтому тошнило и от неё. Мне надоела её еда, бесил её вид, когда она тщательно протирала потрескавшийся стол, раздражали по-старчески собранные на макушке седые волосы и её тяжёлый шаг, словно она отбывает каторгу. Моя неприязнь к ней так возросла в один момент, что становилось трудно дышать. Внутри меня словно пылало пламя в области солнечного сплетения и никак не гасло.

В итоге я ушла из дома просто потому, что хотела жить – останься я там, это пламя бы меня сгубило. Проснувшись с утра, я сразу же переоделась в школьную форму, а в рюкзак вместо учебников и тетрадей положила нижнее бельё и носки, в маленькую сумку для спортивной формы – повседневную одежду. Это было где-то в декабре. Пока я ела завтрак, который мама мне завернула в платок, думала о том, где могут лежать деньги – конечно же в маленькой алюминиевой коробочке, куда мама складывала коммунальные счета. Это была выручка с продажи мандаринов, которые мы собрали.

Я помню, что перед тем, как выйти из дома, я оглянулась на комнату мамы. Раздвижная дверь была распахнута, и было видно аккуратно сложенное одеяло со всё ещё разложенным на полу матрасом с электрическим подогревом. Я знала, что под матрасом она прятала лобзик – чтобы отгонять кошмары, если верить суевериям. Но сны ей всё равно продолжали сниться – иногда она переставала дышать и её бросало в дрожь, а потом она издавала странные звуки, похожие на мяуканье, и ревела. Это был сущий ад. Тогда я поклялась себе, что никогда и ни за что туда не вернусь, что я больше не дам ей заливать мою жизнь чёрным цветом, своей сгорбившейся спиной и ужасно мягким голосом. Для меня она была самым безвольным и трусливым созданием в мире.

В туалете порта я переоделась в обычную одежду и купила билет в одну сторону на паром. На автовокзале Мокпхо[25] я села на междугородний автобус до Сеула. Когда я туда приехала, была уже глубокая ночь. Я переночевала в дешёвом отеле неподалёку от автовокзала. Помню, я не могла перестать волноваться, что не закрыла дверь в комнату, хоть и проверила несколько раз. Меня раздражали чужие волосы на подушке, которые я пыталась снять мокрой салфеткой, но в итоге я всё равно смогла уснуть, лишь съёжившись в калачик – будто это могло защитить меня от всей грязи.

На следующий день я выехала из отеля и позвонила племяннице, которая жила в Сеуле. Скорее всего, я о ней рассказывала – это внучка единственной сестры моей мамы, которая сейчас живёт в Австралии. Тётя, в отличие от моей мамы, вышла замуж рано и сразу родила, так что её дочь – моя двоюродная сестра – по годам годилась мне в матери, а дочь её дочери – моя племянница – была старше меня на два года.

Тогда она поступила в новую школу. Когда она взяла трубку, то спросила, могу ли я приехать на Чонно[26], и предложила встретиться в вестибюле здания YMCA. К счастью, она сдержала своё обещание и пришла без взрослых, но как только мы встретились, она начала меня ругать. «Зачем тебе это? Возвращайся домой!» – говорила она. «Разве тебе не нужно заканчивать школу? Ты звонила маме? У тебя есть деньги на обратную дорогу? А где ты живёшь?» – заваливала она меня вопросами. Но я не стала на них отвечать и просто убежала. Я просила её никому об этом не рассказывать, но знала, что в этот день она всем всё скажет.

По дороге в отель я дала себе обещание, что не сделаю ничего из того, о чём говорила моя племянница: не позвоню маме, естественно, не вернусь на остров, не закончу старшую школу и попытаюсь найти работу. В японском кафе рядом с моим отелем было объявление о найме сотрудников, и я пошла туда на собеседование. В волнении я соврала, что год училась в образовательном центре рядом, но взяла академический отпуск. Как ни странно, но начальник покорно поверил. Потом, завязав фартук, я два часа обслуживала гостей в зале, а после он сказал, чтобы я выходила со следующего дня.

Я вышла из кафе и, направившись в отель, ощутила давно забытое чувство – трепет. На каждом шагу кучи людей передо мной расходились, словно твердя мне: «Теперь только вперёд». Я сильно волновалась, но также чётко понимала, чего хочу – словно меня головой окунули в ледяную воду. Помню, тогда я думала, что это называют свободой. День быстро сменился вечером, и лёгкое пальто, в котором мне было достаточно тепло на острове, здесь, в Сеуле, уже не спасало – меня пронизывало холодом. Пока я, спрятав голову в приподнятом воротнике пальто, пыталась спасти шею от холодного ветра, я поскользнулась на обманчивом слое снега на насыпи, под которым оказался лёд. Помню, как во время падения я обеими ногами ощутила пустое пространство. «Что-то земли под ногами нет. Всё ещё нет. Я так и умру?» Уже потом я узнала, что падала пять метров.

Мне сказали, что меня нашли в полдень следующего дня. Оказалось, что под насыпью земля была прокопана в глубину для строительных работ, которые приостановили ещё летом, но именно на следующий день после того, как я упала, пришёл специалист по недвижимости проверять землю для передачи новому владельцу. Сначала он подумал, что это труп, и сильно испугался, но потом понял, что я дышу, и изумился пуще прежнего.

Жизнь мне спасла сложенная куча нетканых материалов, собранных для строительства подземных водных каналов. Мне так повезло, что даже ни одной кости не сломала, но проблема была в другом – я потеряла сознание. На одиннадцать дней, пока я была без сознания, меня положили в больницу неподалёку, так как ни родственников моих, ни друзей они

[25] Крупнейший портовый город в юго-западной части континентальной Южной Кореи.

[26] Станция метро в Сеуле.

найти не смогли. В какой-то момент я ненадолго очнулась, и медсестра спросила у меня имя – я ответила, хоть совсем этого момента не помню. Но зато я чётко припоминаю, что, когда я очнулась в другой раз, у моей кровати сидела моя племянница с покрасневшими глазами. А когда сознание вернулось ко мне вновь, вместо племянницы там была мама. В слабо освещённой прикроватной лампой палате она посмотрела мне в глаза.

– Инсон, – обратилась она ко мне, – ты меня узнаёшь? Ответь.

Когда я сказала: «Да», она не стала ни плакать, ни ругать меня, ни звать медсестру. Она просто начала что-то невнятно бормотать. В какой-то момент – я даже не заметила – она взяла мою руку – мои глаза всё ещё скрывал полумрак.

Она сказала, что сразу поняла, что со мной что-то случилось, ещё до того, как ей позвонили из больницы. Сказала, что ей снился сон, где я поскользнулась на насыпи и упала. И что в нём мне было пять лет, а пока я лежала там, почему-то снег, падающий на мои щёки, не таял. Ей было так страшно, что её начало трясти уже во сне. «Почему у моей тёплой доченьки не тает снег на щёчках?»

* * *

Инсон рассказала мне эту историю до того, как я лично повидалась с её матерью. Где-то через десять лет после этого, когда Инсон ещё только недавно переехала на Чеджу, мне нужно было съездить туда на короткую стажировку по работе. В один вечер я еле выудила время и вызвала такси, чтобы навестить Инсон. Её мать тогда пребывала в начальной стадии маразма, но вопреки моим ожиданиями она оказалась очень опрятным и спокойным человеком. Она напоминала запертую в теле старого человека девочку – в отличие от Инсон она была мала ростом, с чёткими чертами лица и нежным голосом. «Хорошо вам провести время», – сказала она, слегка пожав мою руку, когда мы выходили из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.